

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Тигровый, черный, золотой

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Дизайн серии — *Екатерина Елькина*
Дизайнер — *Элина Кунтыш*

В оформлении используется работа художника
Екатерины Белявской

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Тигровый, черный, золотой : [роман] / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 480 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-157502-1

Новое дело Макара Илюшина и Сергея Бабкина началось со лжи. Частные детективы, специализирующиеся на розыске пропавших людей, берутся найти исчезнувшие из музея картины. Мир людей искусства полон неприглядных тайн, интриг и подводных течений, заблудиться в нем легко, а вот найти выход — сложно.

Как разобраться, кто талантлив, кто бездарен? Чьи работы стоят дорого, а чьи — не окупят и потраченных красок? Как связаны кража картин и жестокое убийство? Об этом — в детективе Елены Михалковой «Тигровый, черный, золотой».

Обидеть художника может каждый? Попробуйте. Если не боитесь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157502-1

© Михалкова Е., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Детективы Елены Михалковой:

Знак истинного пути
Время собирать камни
Дом одиноких сердец
Темная сторона души
Жизнь под чужим солнцем
Остров сбывшейся мечты
Водоворот чужих желаний
Рыцарь нашего времени
Призрак в кривом зеркале
Танцы марионеток
Улыбка пересмешника
Дудочка крысолова
Манускрипт дьявола
Иллюзия игры
Золушка и дракон
Алмазный эндшпиль
Восемь бусин на тонкой ниточке
Комната старинных ключей
Котов обижать не рекомендуется
Кто убийца, миссис Норидж?
Тайна замка Вержи
Пари с морским дьяволом
Охота на крылатого льва
Нежные листья, ядовитые корни
Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями
Бумажный занавес, стеклянная корона
Пирог из горького миндаля
Закрой дверь за совой
Нет кузнечика в траве
След лисицы на камнях
Кто остался под холмом
Человек из дома напротив
Самая хитрая рыба
Прежде чем иволга пропоет
Ваш ход, миссис Норидж
Тигровый, черный, золотой
Перо бумажной птицы
Тот, кто ловит мотыльков
Лягушачий король
Мертвый кролик, живой кролик

ГЛАВА 1

Девушка начала со лжи. По телефону она заверила, что речь пойдет о поисках пропавшего человека.

К чашке кофе, которую Сергей Бабкин поставил перед ней, она так и не притронулась, хотя до этого сдержанно кивнула в ответ на вопрос Илюшина.

Строгое платье до щиколоток, синий жакет. Скрученная в низкий тяжелый узел на затылке темно-каштановая коса, легчайшие завитки выбившихся волос ореолом вокруг бледного лица. Под густыми бровями миндалевидные черные глаза. Перед ними сидело живое воплощение принцессы Жасмин.

— Картины? — недоверчиво переспросил Илюшин. Бабкин покосился на него: Макара тоже поразили красота и требовательность их гости.

— Два полотна одинакового размера, сто на восемьдесят. — Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях. — Исчезли из музея в ночь после выставки.

— Мы специализируемся на поиске пропавших людей. — Макар говорил мягко, но Сергей знал: Илюшин не выносит лгущих клиентов. — Почему вы пришли к нам, Анаит... простите, как ваше отчество?

— Анаит Робертовна, но лучше просто Анаит. — Упрямое движение маленького подбородка. — Вас

хочет нанять художник, автор картин. Я выполняю его поручение.

«А спеси у тебя, милая, столько, будто ты эти поручения раздаешь».

— Расскажу вам детали... — начала девушка.

Илюшин отрицательно покачал головой.

— Мы специализируемся на поиске пропавших людей, — повторил он.

— Я понимаю. Вопрос гонорара обсуждаем!

— Боюсь, здесь нечего обсуждать...

— Игорь Матвеевич согласен на коэффициент «два» к вашему обычному вознаграждению...

— Не в этом дело...

— Выставка проходила с пятницы по воскресенье в Музее провинциального искусства, — упрямо начала она, будто не слыша. — Под нее были отведены четыре зала, эти картины висели в первом. Когда все закончилось, их сняли, упаковали и спустили в хранилище, из которого украли в ту же ночь...

— Вы напрасно тратите время на эти подробности. — Илюшин поднялся. — Это нужно рассказывать следователю, который ведет дело.

— От официального расследования нет никакого результата! — Она продолжала сидеть, словно не понимая, что ее выпроваживают.

— Мы ничем не можем помочь.

— Но послушайте!..

— Простите, мы вынуждены отказаться. — Илюшин сделал шаг к двери, и это было уже недвусмысленным завершением разговора. — Если картины действительно украдены, их поиском занимаются...

Он осекся. Чтобы Макар замолчал на полуслове, требовалась веская причина. Пару раз в своей жиз-

ни Сергей Бабкин думал — с некоторой обреченностью, — что, даже если он свернет напарнику голову, тот все равно продолжит вещать. Поэтому он насто-рожился и уставился на Илюшина. Первая его мысль была о сердечном приступе.

Однако Макар за сердце не хватался и на бок не заваливался. Он нахмурился, и только тогда Бабкин догадался перевести взгляд на девушку.

Она пыталась не расплакаться. В глазах набухли слезы, бледное лицо расцвело алыми пятнами. Она быстро сморгнула, и слезы хлынули ручьем. Восточная ее горделивая красота размылась, будто акварель, на которую плеснули водой, и перед ними оказалась несчастная, потерявшая самообладание девочка, совсем юная и растерянная.

Бабкин при виде плачущей женщины испытывал ощущение, очень похожее на тянущую зубную боль в сердце.

Илюшин же при виде плачущей женщины раздражался, потому что подозревал нехитрую манипуляцию. Но сейчас интуиция подсказывала, что никто не пытается таким образом добиться от них желаемого; более того, он запоздало понял, что все это время красавица держалась из последних сил, а высокомерной выглядела из-за скованности и смущения.

Чувство раскаяния Илюшину было чуждо. Однако он стремился восстановить собственный душевный комфорт, а для этого требовалось, чтобы бедный ребенок — теперь Макару казалось, что ей от силы лет восемнадцать, — перестал рыдать.

Поэтому оба забежали вокруг нее. Сергей при этом невнятно гудел, а Илюшин ворковал что-то утешительное. Однако конец слезам положило не их хло-

потание, а то, что Бабкин в конце концов отдал Илюшину ногу и Макар приглушенно взвыл.

— ...с грацией молодого бегемота, — пробормотал он.

— А ты не стой под стрелой! — огрызнулся уязвленный Сергей. — А то мечешься, понимаешь, как бабочка-капустница!

Девушка сквозь слезы уставилась на них, и оба спохватились, что привычная перепалка происходит на глазах у посторонних.

— Вы почему кофе не пьете? — спросил Макар.

— Я сегодня уже три чашки выпила! — всхлинула Анаит. — Не могу больше.

Бабкин сунул ей коробку с салфетками. Макар придвинул стул и сел рядом.

— Хорошо, с кофе разобрались. — Он говорил с таким видом, словно вопрос о напитке всерьез его беспокоил. — Теперь объясните, что с картинами. Ну, украли. Полиция найдет. В чем сложность? Это ведь не Ренуар?

Анаит покачала головой:

— Работы исчезли в ночь с воскресенья на понедельник, сегодня пятница. Никто не ищет. Сотрудник полиции приходил в музей, расспрашивал. Но больше ничего не произошло. Ах да, посмотрели видео с камер...

— И что на видео? — заинтересовался Бабкин.

— Какой-то человек выносит упакованные картины с черного хода около шести утра, грузит в «Газель» и уезжает. Я сама не видела запись, мне рассказали в музее... Номера заляпаны грязью, а сам человек в таком, знаете... — Она провела ладонью перед лицом.

— Балаклава.

Девушка вытерла слезы и попыталась напустить на себя прежний независимый вид.

— А что с охраной? Почему сигнализация не сработала? — спросил Бабкин.

— Ее включают, только когда нет сторожа. А сторож был. Спал и ничего не слышал...

Анаит, кажется, снова готовилась заплакать. Но при этом встала и принялась озираться, ища сумочку. Щеки ее покраснели уже не от слез, а от стыда. Илюшин ясно видел, что ей неловко за свою несдержанность и она не собирается пользоваться их потерянностью, а хочет только сбежать, раз ей отказали.

Он взглянул на Сергея и едва не расхохотался. Бабкин выглядел как медведь, сожравший несвежего тюленя. На мрачной его физиономии были написаны сожаление о содеянном и тоска при мысли о том, какая расплата за это предстоит.

Иными словами, напарник уже все для себя решил.

«Ну, картины так картины», — пожал мысленно плечами Макар Илюшин.

В конце концов, он отказал девице в основном из-за неверно взятого ею тона и бессмысленного вранья. Дел у них сейчас не было. За предыдущее им заплатили в двадцать раз меньше, чем стоило расследование. Правда, они с Сергеем получили моральное удовлетворение*. Но «коэффициент», о котором упомянула барышня, пришелся бы очень кстати.

У него была и еще одна причина взяться именно за это дело.

* Это расследование описано в детективе «Лягушачий король».

— Присядьте, Анаит, — со вздохом сказал он. — Сережа, завари нам, пожалуйста, черный чай. Я надеюсь, чай с лимоном вы будете?

Девушка взглянула на Макара. Заплаканное лицо осветилось неуверенной надеждой.

— И булочкой, — пробасил Бабкин, который внешне обрадовался непонятно чему.

.....

Анаит Давоян работала ни больше ни меньше как советником по культуре у предпринимателя Игоря Бурмистрова.

— У Игоря Матвеевича есть и личный секретарь, — пояснила она. — В мою сферу обязанностей входит только поддержка его художественной деятельности.

Игорь Матвеевич для заработка продавал сантехнику, а для души писал картины. Вот уже год он состоял членом Имперского союза художников. Это творческое объединение живописцев и графиков проводило регулярные выставки, арендуя залы музеев или другие подходящие площадки.

Музей провинциального искусства, по словам Анаит, был одним из постоянных партнеров Имперского союза. В этот раз для выставки Бурмистров предложил два своих лучших полотна, над которыми он работал последние месяцы. Спустя пару недель картинам предстояло отправиться в Амстердам, в одну из крупных местных галерей.

— Это большое событие для Игоря Матвеевича, — говорила Анаит. — Он гордился тем, что из всех членов союза Ясинский выбрал именно его работы.

Бабкин записал новое имя.

— Адам Брониславович Ясинский — глава союза, — пояснила Анаит. — Фактически Ясинский и организовал его семь или восемь лет назад.

— Он художник?

— Нет. Я знаю только, что он прежде работал в Министерстве культуры. Возглавлял какой-то фонд или отдел.

Сергей быстро записывал: «Музей. Охранник. Камеры. Машина». Сперва побеседовать с охранником. Крепко же тот спал, если похититель пробрался в хранилище, открыл его — каким образом, кстати? — и преспокойно вытащил картины, причем проделал это дважды. Феерической наглостью отдавало это предприятие, наглостью и разгильдяйством.

В принципе, думал он, идеальное сочетание для преступления. Взять хоть ограбление музея Изабеллы Стюарт Гарднер. Общая цена похищенного — больше пятисот миллионов долларов, и с девяностого года ни намек на личности преступников, равно как и на картины. Правда, ФБР называло имена похитителей, но что толку, если полотна так и не были возвращены.

Два злоумышленника.

Поразительная простота сценария преступления.

И разгильдяйство, сделавшее возможным его осуществление.

— Сколько могут стоить украденные картины? — спросил Макар.

Анаит растерялась. Не совсем уверенно она ответила, что это зависит от многих факторов, сам художник не оценивал свои работы, возможно, выставка в Амстердаме многое прояснила бы...

— Ну, хоть порядок цен? — вмешался Бабкин.

Ему хотелось понимать, ради чего весь сыр-бор. Но Анаит, собравшись, объяснила, что определить это не представляется возможным. Картины имеют огромную ценность для Бурмистрова, однако в денежный эквивалент он ее не переводил.

— Можно увидеть сами работы? — попросил Илюшин.

Анаит вынула из сумки две фотографии альбомного формата и без слов положила на стол. Бабкин подошел, уставился на верхний лист.

— Это яичница с помидорами? — с неподдельным интересом спросил Макар.

— Работа называется «Бенгальские тигры», — сдержанно ответила Анаит.

Бабкин издал горловой звук, который свидетельствовал о сильном воздействии искусства на его неокрепшую душу. Илюшин благоговейно помолчал.

— Тигры... — повторил он наконец с неопределенной интонацией. — Что ж. Допустим. А это...

Он не без трепета отодвинул лист, и открылась фотография второй картины.

— Ой, котик! — обрадовался Макар.

Бабкин задавил рвавшийся наружу звук и просто смотрел во все глаза на котика.

— Игорь Матвеевич назвал эту работу «Владыка мира», — сказала Анаит. — На ней изображен снежный барс.

Владыка был плох. Тело его равномерно покрывали сине-зеленые пятна.

— Болеет котик, — с жалостью констатировал Илюшин.

— Это окрас! — возразила Анаит. — Колористическое решение свидетельствует о переосмыслении традиционных образов и уходе в авангардизм для усиления изобразительного воздействия полотна.

Воздействие полотна невозможно было отрицать. Бабкин подумал, что нужно увеличить сумму ежемесячного взноса в приют для бездомных кошек. Илюшин вспомнил, что у него в холодильнике заплесневел кусок голландского сыра.

Обе картины были оформлены в помпезные рамы: старое золото, обильная вычурная лепнина. Финтифлюшка на загогулине, как выразился позже Бабкин.

Именно эти загогулины и подтолкнули Илюшина к окончательному решению. Он взглянул на Анаит и сообщил, что они согласны взяться за расследование. Оплата составит...

И назвал такую сумму, что Бабкин пошел пятнами и стал неотличим от владыки мира.

Тем временем Илюшин невозмутимо присовокупил, что половина этой суммы в любом случае останется у них вне зависимости от исхода дела.

Только на таких условиях они берутся за поиски тигров и, господи прости, барса. «Господи прости» Маркар не произнес вслух, однако оно повисло в воздухе.

Анаит не смутилась. Ответила, что этот вопрос она должна согласовать с Игорем Матвеевичем, и вышла позвонить на лестничную клетку.

— Ты барса собрался искать или похищенную английскую королеву? — тихо спросил Бабкин. — Сантехнический магнат не раскошелится на такие деньжищи.

Илюшин только усмехнулся в ответ.

Пять минут спустя Анаит вернулась и сообщила, что получила разрешение от Бурмистрова подписать договор на предложенных условиях.

.....

— Пора провести рекогносцировку, — сказал Макар и спрыгнул с подоконника, на котором сидел, рассматривая с двадцать пятого этажа свой двор.

— Ты поедешь со мной в музей? — удивился Сергей.

— Нет, в музей ты отправишься один. А я планирую встретиться с господином Ясинским. Мне очень хочется узнать, во сколько глава Имперского союза оценивает пропавшие картины.

Час спустя Сергей Бабкин подходил к скромному двухэтажному зданию музея в переулках за Бульварным кольцом, а Макар Илюшин — к высокому дому недалеко от парка.

Адам Брониславович Ясинский встретил его на лестничной клетке. Илюшин с первого взгляда определил, что Ясинский — не из тех людей, которые выбегают к гостям, и сделал закономерный вывод, что Адам Брониславович в нем, частном сыщике, чрезвычайно заинтересован.

Вывод этот подтвердился сразу же.

— Есть какие-то новости? — спросил Ясинский, и взгляд его выпуклых черных глаз сделался умоляющим. — Здравствуйте!

Илюшин с удивлением ответил, что об исчезновении картин он узнал только два часа назад.

— Да-да, конечно, конечно... Прошу вас, проходите.

Ясинский суетился и нервничал. Илюшин вспомнил тигров с барсом и озадачился еще больше.

— Вот сюда проходите, вот сюда... Простите, за был, как вас по имени-отчеству?

— Макар Андреевич.

— Очень рад, Макар Андреевич!

Илюшина провели в светлую, с большим вкусом обставленную гостиную. Книжки, картины, китайские вазы... Взгляд Макара остановился на бронзовой скульптуре: мальчик, заносащий острогу над рыбой. Тонкий, легкий, с мускулистыми ногами. Скульптор поймал и движение — за мгновение перед ударом, и странно-неподвижное выражение лица, на котором жили одни глаза.

Молчаливая домработница поставила перед ним чай и таралетки, наполненные икрой.

— Взял на себя смелость... — бормотал Ясинский. — Надеюсь, не откажетесь...

На свету Макар разглядел его как следует.

Ясинский был благообразен и, пожалуй, даже величественен. Среднего роста, он казался выше из-за прекрасной осанки. Умные темные глаза смотрели на собеседника с печальным пониманием. Голос у него, когда он успокоился, приобрел мягкую звучность, словно Ясинский привык проповедовать с амвона; к этой ассоциации подталкивала и растительность на его лице: усы и светло-русая, густая, вьющаяся борода.

— Прошу вас, угощайтесь, не обращайтесь на меня внимания, — попросил он. — Мне кусок в горло не ле-

зет. Я чувствую себя виноватым в том, что случилось, хотя формально моей вины и нет.

— Адам Брониславович, расскажите, пожалуйста, о самом художнике.

— О Бурмистрове?

Илюшину показалось, что взгляд Ясинского метнулся в сторону.

— Да, о нем. Что он за фигура?

И тут Адам Брониславович сделался очень осторожен. Он рассказывал, словно нащупывал тропинку в топком болоте. «Да, непрофессиональный художник... Не имеет соответствующего образования. Мы, знаете, объединяем любителей, самородков, так сказать. В нашем союзе сложился уникальный уровень, мы в достаточной степени отошли от затертого классицизма и в то же время в своем новаторстве не пересекли границу, за которой начинается самолюбование и пустые поиски... Мы остались со своим зрителем, это один из главных наших постулатов, кроме очевидного — свободы самовыражения, конечно... И у Игоря Матвеевича в высшей степени имеется эта свобода...»

Илюшин ничего не понял. В чем и признался, глядя в печальные черные глаза Ясинского.

Тот с сожалением развел руками.

— У Бурмистрова есть враги в вашей среде? — зашел Макар с другой стороны.

— Ни в коем случае! — вскинулся тот. — Что вы, что вы! Мы как раз и отличаемся теплейшими отношениями внутри коллектива. Изначально я строил на этом свою деятельность. Поддержка, тепло, взаимопомощь... Видите ли, художники — исключительно уязвимые создания, по сути своей это дети, талантливые дети.